

«Эстетсы в Советском Союзе»:

А. Жид, Л. Фейхтвангер, М. Кольцов

© 2021 А.В. Добряшкина

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_79_111

“The Aesthets in the Soviet Union”:

André Gide, Lion Feuchtwanger, Mikhail Koltsov

© 2021 Anna V. Dobryashkina

Информация об авторе:

Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: annica@list.ru.

Ключевые слова: Андре Жид, Лион Фейхтвангер, Михаил Кольцов, *Das Wort*, травелог, «Возвращение из СССР», «Москва 1937», СССР.

Аннотация: В статье рассматривается поездка Лиона Фейхтвангера в СССР, запланированная и организованная Михаилом Кольцовым. Фейхтвангер прибыл в Москву сразу после публикации вызвавшей скандал критической книги Андре Жида «Возвращение из СССР». Кольцов подчеркивал необходимость уделить Фейхтвангеру такое же внимание, как и А. Жиду, поскольку рассчитывал написание немецким писателем ответа на «Возвращение из СССР». Все время своего пребывания в Советском Союзе Фейхтвангер находился под строгим контролем сотрудников ВOKC. Переводчица писателя составила о нем семнадцать отчетов, в которых Фейхтвангер, получивший мировую известность благодаря своим историческим романам, фигурировал как человек с очень критическими взглядами на советскую реальность. «Москва 1937», книга Фейхтвангера о его московских впечатлениях, очень необычна, она не написана в жанре традиционного травелога и противоречит тому, что автор писал в дневнике и письмах, а также говорил своей переводчице. Критический взгляд Фейхтвангера на реалии Советского Союза исключает политическое невежество писателя как причину одобрения увиденного.

Information about the author:

Anna V. Dobryashkina, PhD. in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: annica@list.ru.

Keywords: André Gide, Lion Feuchtwanger, Mikhail Koltsov, USSR, «Das Wort», «The Return from the USSR», «Moscow 1937», travelogue.

Abstract: The article discusses Lion Feuchtwanger's *Moscow 1937* and his trip to the Soviet Union, planned and organized by Mikhail Koltsov. Feuchtwanger arrived to Moscow shortly after the publication of André Gide's critical book *The Return from the USSR*, that had caused a scandal. Koltsov insisted that Feuchtwanger deserved as much attention as Gide, because he expected that the famous German writer would publish a response to Gide's *Return from the USSR*. During his visit to the Soviet Union Feuchtwanger was under strict control of the VOKS (All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries). His interpreter Dora Karavkina wrote seventeen reports that described the distinguished author of historical novels as a caustic critic of the Soviet Union. *Moscow 1937* resulted to be quite an unusual book that doesn't fit in the conventional travel literature and contradicts with Feuchtwanger's records of his travel in the diary, letters and with his comments witnessed by his interpreter. This critical attitude leaves no room for the suggestions that it is Feuchtwanger's political ignorance that explains his positive assessment of the Soviet Union in *Moscow 1937*.

а. в. добряшкина

Принятые сокращения

- Москва 1937 – *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937.
- Hartmann – Hartmann A. *“Ich kam, ich sah, ich werde schreiben”. Lion Feuchtwanger in Moskau. Eine Dokumentation.* Göttingen: Wallstein, 2017.
- Feuchtwanger–Zweig – Feuchtwanger L., Zweig A. *Briefwechsel: 1933–1958.* Bd. 1: 1933–1948, Hrsg. von H. von Hofe. Frankfurt / M.: Fischer Verl., 1986.
- Briefwechsel* – Feuchtwanger L. *Briefwechsel mit Freunden, 1933–1958.* Bd.1, Hrsg. von H. von Hofe. Berlin: Aufbau, 1991.
- Tagebücher* – Feuchtwanger L. Ein möglichst intensives Leben. *Tagebücher*, Hrsg. von N. Holdack, M. Schuetze-Coburn, K.-P. Möller. Berlin: Aufbau, 2020.

Литературный туризм, ставший в 1930-е важной составляющей советской культурной политики, был одной из сфер деятельности Михаила Кольцова, руководителя крупнейшего издательства «Жургаз», члена редколлегии и спецкора «Правды» и главного редактора популярных советских журналов «Огонек» и «Крокодил». Если широкой западной общественности Кольцов был больше «известен по имени как журналист»¹, то в профессиональных литературных кругах – и как один из партийных кураторов международного литературного движения, а с 1936 г. – председатель созданной при Союзе советских писателей (ССП) Иностранной комиссии.

Кольцов лично вел переговоры с зарубежными писателями, присылал официальные приглашения, переводил солидные гонорары. Кольцов не только прекрасно ориентировался в «западных условиях», но и умел располагать к себе собеседников-иностранцев, что они потом отмечали в своих воспоминаниях (а Э. Хемингуэй – даже в романе²): «Его непринужденность и подвижность, как и его манера откровенно говорить о людях и вещах, превращают его в приятно-светское явление»³; «...обычно любезный, Кольцов кажется особенно откровенным. Я хорошо знаю, что он не скажет ничего лишнего, но он говорит со мной таким образом, чтобы я мог почувствовать себя польщенным его доверием»⁴.

В часто цитируемом письме Сталину об итогах Парижского конгресса 1935 г. Кольцов подчеркивал необходимость «разрешить приглашение

¹ И.Г. Эренбург – Н.И. Бухарину. Не ранее 20.07.1935 // Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Материк, 2005. С. 382.

² Роман «По ко звонит колокол», в котором Кольцов выведен в образе Каркова.

³ Sinkó E. *Roman eines Romans. Moskauer Tagebuch 1935–1937.* Berlin: Das Arsenal, 1990. S. 280.

⁴ Жид А. Возвращение из СССР // Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР / Пер. с франц. М.: Московский рабочий, 1990. С. 602.

Союзом СП ежегодно 10-12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд»⁵. На 1936 г. был запланирован прием авторитетных западных авторов, о чем Кольцов также сообщал Сталину: «В конце июня в Москву едет Андре Жид, осенью – Фейхтвангер и Томас Манн»⁶. Фейхтвангера Кольцов уговаривал приехать сразу после отъезда Андре Жида, в середине августа⁷. В намерения Томаса Манна посещение Советского Союза, видимо, не входило (в феврале 1936 г. он писал Иоганнесу Р. Бехеру о своих планах совершить экзотическое путешествие; в конце марта в дневнике упоминается письмо Бределю касательно переноса поездки в Россию), и Москва встречала лишь Жида и Фейхтвангера.

Андре Жида Кольцов представлял Сталину после Парижского конгресса как друга Советского Союза, ручаясь за его благонадежность: «Само собой, коммунизм Жида далек от подлинного марксизма и вряд ли приблизится к нему. Но в тенденциях и симпатиях этот крупнейший писатель Франции тянется к нам и старается служить, чем может, вплоть даже до выступлений на рабочих собраниях за советскую власть и коммунизм»⁸. В СССР Андре Жид провел около двух месяцев. Апогеем пребывания в советской империи должна была стать встреча со Сталиным, на которую Жид рассчитывал: «Андрэ Жид просит о встрече с Вами. Волнуется в ожидании ответа. Будет крайне удручен, если встреча не состоится»⁹, – писал Кольцов Сталину в конце июня 1936. Несмотря на очередную положительную характеристику, данную Кольцовым («Андрэ Жид неустанно и горячо помогает, как может, коммунистам и Советскому Союзу. В политике он довольно наивен, но охотно слушается наших советов»¹⁰), с ответом Сталин медлил. «Андрэ Жид в крайнем напряжении ожидает приема у Вас. (Его отъезд на юг назначен на 10 июля)», – повторял просьбу Кольцов. – «Отказ в приеме глубоко омрачит его. Я полагаю, что он действительно заслуживает быть принятым – ибо это и есть тот писатель мирового масштаба и влияния, который сейчас активно возглавляет

⁵ А.С. Щербанов, М.Е. Кольцов – Сталину. 21.07.1935 // Большая цензура. С. 389. Предложение Кольцова было учтено в принятом Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации Международного объединения революционных писателей» от 10.12.1935 (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 279. Ср.: Большая цензура. С. 407–408).

⁶ Цит. по: *Максименков Л.В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 314.

⁷ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 12.6.1935. (Feuchtwanger–Zweig: 81).

⁸ А.С. Щербанов, М.Е. Кольцов – Сталину. 21.07.1935 // Большая цензура. С. 387.

⁹ Кольцов – Сталину. 27.06.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 5–5 об.

а.в. добряшкина

международную интеллигенцию, преданную СССР. Если прием невозможен – нельзя ли тогда хотя бы короткую встречу – где-нибудь в театре или в другом месте? Андрэ Жид будет в отчаянии, если так и уедет, не получив личного контакта с Вами»¹¹.

Поскольку Сталин не изменил принятого решения проигнорировать французского гостя, Андре Жид «так и уехал», оставив Кольцова в опасном неведении относительно своих публицистических планов, которые впоследствии пополнят список «“претензий” следствия»¹² к советскому журналисту. О травелогге «Возвращение из СССР», критически оценивавшем советское государство, Кольцов узнал уже в охваченной гражданской войной Испании¹³, куда он был направлен как спецкор «Правды». Реакция вышестоящих инстанций была предсказуема. В ноябре 1936 г., когда предисловие к «Возвращению из СССР» было уже опубликовано, Культпросветотдел ЦК ВКП(б) объявил о необходимости «поручить т. Кольцову иметь свидание с Андрэ Жидом и убедить его не выпускать книжки раньше, чем он еще раз не побывает у нас и не проверит правильность своих взглядов»¹⁴. Поскольку рекомендации Культпросветотдела никак не соотносились с исторической реальностью, оставалась лишь постановка вопроса о вине и ответственности. «Находившийся в СССР в качестве гостя <...>, приглашенный непосредственно тов. Кольцовым А. Жид издал книгу против СССР», – писал Сталину председатель ВОКС А.Я. Аросев, подчеркивая, что он сам, зная писателя лично, «был противником приглашения его в СССР в том виде, как это было сделано. Приглашение таких лиц, как А. Жид, должно быть особенно тщательно подготовлено. В приготовлениях нужно учесть особенности данного человека»¹⁵. Кроме того, «пригласившие А. Жида совершили и дополнительные ошибки»¹⁶. Несмотря на то, что наиболее выполнимое постановление Политбюро: «Уполномочить т. Кольцова написать ответ на книгу А. Жида»¹⁷, – было принято почти год спустя, после Второго Конгресса писателей в защиту культуры, Кольцов сразу

¹¹ Кольцов – Сталину. 8.07.1936. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 754. Л. 78.

¹² Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С. 118, 210.

¹³ В «Испанском дневнике» запись о книге А. Жида датируется 9.12.1936: «Недавно в Мадрид приехал Пьер Эрбар, секретарь и родственник Андре Жида. <...> Оказывается, Андре Жид написал книжку о Советском Союзе, которая существенно, как говорит Эрбар, расходится с теми заявлениями и декларациями, которые автор делал во время поездки. <...> Сегодня я узнал, что книга все-таки вышла. “Безумия” в этом я не чувствую, здесь видны совсем другие причины» (Кольцов М. Испанский дневник. М.: Грифон, 2005. С. 257–258).

¹⁴ А.И. Ангаров – Сталину. 16.11.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 10.

¹⁵ А.Я. Аросев – Сталину. 13.12.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 131.

¹⁶ Там же. Л. 132.

¹⁷ Постановление Политбюро № 221 от 13.7.1937. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 226. Л. 26.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

понял, что требовалось от него как ответственного за визит А. Жида в СССР. Запланированная на осень 1936 г. поездка Лиона Фейхтвангера обрела совершенно новое значение.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно причин, побудивших Фейхтвангера, во-первых, приехать в СССР в сложившейся ситуации, а во-вторых, написать знаменитый очерк «Москва 1937»: обстоятельства этого эпизода, дневниковые записи и письма Фейхтвангера, воспоминания и отчеты о писателе, не в последнюю очередь литературоведческие представления о его творчестве образуют сложное сочетание противоречащих друг другу фактов¹⁸.

Прежде чем Фейхтвангер определенно выразил согласие посетить Советский Союз, прошел почти год, в течение которого Кольцов пытался повлиять на писателя. Первое приглашение посетить страну строящегося социализма Фейхтвангер принял еще от МОРП в 1934 г., заверив И.Р. Бехера в ответ на поздравления с юбилеем, «что уже давно планирует приехать в Советский Союз»¹⁹. С этого момента письма²⁰ и дневниковые записи писателя свидетельствуют о его большей или меньшей готовности приехать в СССР. Давление с советской стороны усилилось перед Парижским конгрессом в защиту культуры 1935 г. Бехер, занимавшийся организацией Конгресса с немецкой стороны, и Кольцов, которому было «предложено выехать в начале мая в Париж для содействия в организации съезда»²¹, уговаривали Фейхтвангера совершить двойной маневр: принять участие в Конгрессе и приехать в Москву. «Крупные немцы (Манн, Эмиль Людвиг, Фейхтвангер) колеблются»²², – отмечался Кольцов 23 мая 1935 г. «У меня Бехер <...> очень настаивает на том, чтобы я отправился в Россию и на Конгресс. Пытается привлечь меня французскими и русскими надеждами»²³, – писал 29 мая в дневнике Фейхтвангер. У писателя в записях появляется тон, который скоро станет привычным для московской тематики, – настороженность, с одной стороны, и приятное

¹⁸ См. отдельные документы о визите Фейхтвангера в Москву, его отношениях с активом МОРП, журналом *Das Wort*, советскими издательствами, Марией Остен и др. – в публикации В.П. Нецаева в кн.: Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 181–220.

¹⁹ Lion Feuchtwanger an Johannes R. Becher. Sanary, 22.6.1934. (*Briefwechsel*: 257).

²⁰ С сентября 1934 г. Фейхтвангер регулярно делится планами своей поездки с близким другом – Арнольдом Цвейгом.

²¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О международном съезде писателей в Париже» 19 апреля 1935 г. // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 187.

²² Кольцов – в СП СССР. Париж, 23 мая 1935 // «Счастье литературы». С. 188.

²³ Paris, 29.5.1935. (*Tagebücher*: 370).

а.в. добряшкина

осознание повышенного внимания к своей персоне, с другой. Еще через два дня, 31 мая, снова запись Фейхтвангера: «У меня этот русский, Кольцов, официально приглашает меня поехать в Москву. Вероятно, я этого не сделаю»²⁴.

Непосредственное общение с советской делегацией и возглавлявшим ее Кольцовым на Конгрессе усилили энтузиазм Фейхтвангера: «Русские меня особенно ценят»²⁵; «Особенно русские произвели на меня сильное впечатление, впервые в жизни у меня было чувство, что слово “коллега” имеет смысл»²⁶. Далее «неожиданно пришли деньги из России. Гонорар. Большая радость, что Россия этого достигла»²⁷ (СССР еще не присоединился к конвенции об авторском праве, и, как писал Фейхтвангер Арнольду Цвейгу, «люди просто печатали там мои книги»²⁸) – и «русские <...> сообщили, что будут счастливы, если смогут переводить мне гонорары за границу»²⁹. За гонорарами следовали «приятные, весьма восторженные письма из России»³⁰.

В этом духе «крупный немец колеблется» вплоть до своего отъезда в Москву в ноябре 1936-го: он переносит поездку то из-за работы, то из-за сильной простуды, то из-за охрипшего голоса. Лейтмотивом в дневнике и письмах проходят его слова о том, что он, собственно, даже не знает, что ему делать в России – но, с другой стороны, поступают гонорары, в том числе рублевые («у меня в России лежит безумное количество денег, я могу всю жизнь есть икру и покупать меха»³¹); наконец, – что, возможно, самое ценное в глазах Фейхтвангера и что будет использоваться в советских методах влияния на него – восторженное признание его творчества советским читателем. Последний мотив, позволяющий усомниться в коррумпированности Фейхтвангера, особенно важен при поиске ответа на вопрос, что заставило писателя выполнить миссию повышенной сложности, ответственность за которую была, по сути, возложена Сталиным на Михаила Кольцова. Важно и то, что Фейхтвангер рассматривал также кратковременную поездку в Москву – всего на 14 дней³², в течение которых, безусловно, не было бы возможности заниматься делами, но такого визита было бы достаточно для

²⁴ Paris, 31.5.1935. (*Tagebücher*: 371).

²⁵ Paris, 25.6.1935. (*Tagebücher*: 373).

²⁶ Lion Feuchtwanger an Eva van Hoboken, 30.7.1935. (Hartmann: 115).

²⁷ 26.8.35. (*Tagebücher*: 375).

²⁸ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 20.9.1935. (Feuchtwanger–Zweig: 96).

²⁹ Ibid.

³⁰ Feuchtwanger L. Tagebuch, 14.10.1935. (Hartmann: 119).

³¹ Lion Feuchtwanger an Eva van Hoboken. 30.7.1935. (Hartmann: 116).

³² Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 3.9.1935. (Feuchtwanger–Zweig: 92.) См. также письмо от 20.9.1935. S. 95.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

утверждения определенного имиджа. Фейхтвангер осознанно хотел входить в число «друзей СССР».

Когда в начале 1936 г. Кольцов получил разрешение на выпуск нового эмигрантского журнала – *Das Wort* (букв. «Слово»; название, предложенное Фейхтвангером), который должен был стать внепартийным печатным органом Народного фронта, Фейхтвангер рассматривался как один из участников редколлегии. Однако писателя, как и других кандидатов, «крупных немцев», прежде всего, Генриха Манна, смущало множество препятствий. Мария Остен, спутница жизни Кольцова, обычно сопровождавшая иностранных гостей в Москве, все же сумела уговорить Фейхтвангера войти в редколлегию. Фейхтвангеру был обещан налаженный процесс подготовки номеров; кроме того, во время утверждения членов редколлегии снова был поднят вопрос о посещении СССР («Работать Вы можете и здесь. Вам могут предоставить в распоряжение целый дворец в Крыму или на Кавказе»³³) и, наконец, что было важно писателю, фиксирующему в дневнике каждый свой успех, даже самый незначительный, сотрудничество с *Das Wort* предполагало не только действенный вклад в укрепление позиций Народного фронта, но и определенный вид меценатства, которое всегда было частью жизни успешного и в любой момент готового прийти на помощь писателя: «Выплата гонораров прекрасно организована, фонд, которым мы располагаем, надежен. Это прекрасное чувство – осознание того, что можешь помочь друзьям за границей»³⁴.

К тому моменту, когда разразился скандал с «Возвращением из СССР» и Фейхтвангеру предстояло вернуться в СССР как «Анти-Жиду»³⁵, именитый писатель уже давно вел активную переписку с Москвой и был загружен неоплачиваемой редакторской работой.

Организация поездки Фейхтвангера несколько осложнялась отсутствием в Москве Кольцова. Находившемуся с августа 1936-го в Испании Кольцову пришлось поручить зампреду Иностранной комиссии ССП М.Я. Апплетину оформить приезд Фейхтвангера и его друга и соседа Людвига Маркузе – писателя менее знаменитого, непартийного и широких взглядов, что было очень важно как штрих к портрету самого Фейхтвангера.

³³ Maria Osten an Lion Feuchtwanger. Moskau, 18.4.1936. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 18.

³⁴ Maria Osten an Lion Feuchtwanger. Moskau, 16.5.1936. Там же. Л. 21.

³⁵ Schwarzschild L. Feuchtwangers Botschaft. Das Neue Tage-Buch. H. 31, 1937 (31.7.1937). (Hartmann: 346).

а. в. добряшкина

Сегодня, 27 сентября, получена телеграмма от Михаила Кольцова о том, что к Октябрьским праздникам в Москву приезжают немецкие писатели – Лион Фейхтвангер и Людвиг Маркузе с женой. <...>

Имеет большое значение, чтобы Фейхтвангер, который отрицательно относится к процессу, и Людвиг Маркузе, у которого возникли в связи с процессом сомнения в подлинности советской демократии, чтобы они оба именно к октябрьским дням были у нас.

Тов. Кольцов, придавая особо важное значение визиту этих двух немецких писателей, телеграфирует, чтобы им оказано было исключительное внимание, примерно, как и Андре Жиду³⁶.

К Октябрьским празднованиям Фейхтвангер приехать не успевал из-за сложностей с оформлением документов. 8 ноября Мария Остен, которая пришла из Испании в Париж, чтобы сопровождать его и Маркузе в Москву, писала московскому редактору *Das Wort* Вилли Бределю:

Жаль, что Фейхтвангер не появился в Москве к 7-му. <...> В интеллектуальной среде сейчас закипают страсти. Три дня назад Жид опубликовал со всей помпезностью предисловие к своей книге о России. Это нечто неслыханное – это просто признания какого-то троцкиста! Можешь себе представить, как мы тут подавлены и возмущены. Арагону, который собирался поговорить с ним поговорить – потому что уже поползли слухи – тот просто указал на дверь. <...> Знаешь, К.<ольцов>, как и остальные³⁷, считает, что в настоящий момент не стоит устраивать полемику, лучше, если необходимо, немного подождать и хорошенько обсудить все с Фейхтвангером в Москве³⁸.

Как ни хотел Фейхтвангер избежать русской зимы, но прибыл он как раз к декабрю 1936-го. Москва встретила долгожданного гостя огромным количеством публикаций в советской прессе, восторженными приветствиями, тщательно составленной программой пребывания в Советском Союзе и бытовой неустроенностью. Первая же московская дневниковая запись Фейхтвангера наполнена сетованиями: «Мне дали <...> очень плохой и очень неудобный номер, не могу распаковать вещи. Обедал с Евой. Плохо и очень дорого. Мне подарили шубу. В номере отвратительный воздух. Прием вызывает чувство гордости, но я очень расстроен из-за всех этих неудобств. <...>

³⁶ Цит. по: Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 247.

³⁷ Остен имеет в виду, вероятнее всего, Брехта и Фейхтвангера.

³⁸ Maria Osten an Willi Bredel. Paris, 8.11.1936. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 143. Л. 413.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

Во второй половине дня и вечером был один, чувствовал себя несчастным из-за плохой организации»³⁹. Своего мнения о бытовой стороне советской жизни Фейхтвангер так никогда и не изменил. В то же время Фейхтвангер не скупился на публичные выступления: «В отличие от Жида, который во время пребывания в Москве не был словоохотлив в отношении своих заявлений», – писал в «Московском дневнике» венгерский эмигрант-коммунист Эрвин Шинко, – «Фейхтвангер, который сейчас чествуется, высказывается по любому поводу, его заявления можно прочитать в советской прессе, и все они без исключения сводятся к тому, в каком восторге и воодушевлении Фейхтвангер от Советского Союза»⁴⁰. Дневниковые записи, сделанные во время поездки, также пестрят упоминаниями «почестей» и «чествований». Знаки внимания, особенно читателей, тем более молодежи, очень важны для Фейхтвангера:

Вначале он был несколько недоволен, <...> когда пришла его очередь выступать, он сделал это с довольно большим подъемом <...>. На обратном пути Фейхтвангер говорил о приятном впечатлении, которое произвела на него встреченная в ЦАГИ молодежь своей интеллигентностью, вдумчивым отношением к читаемым книгам, высоким уровнем знаний⁴¹.

И все же эпитет, который писатель чаще всего использует для характеристики процесса чествования, – это «чудовищно» (*ungeheuer*), то есть советские свидетельства признания выходили, с точки зрения Фейхтвангера, за рамки его представлений о популярности. Кроме того, «почести» иногда приобретали для него сомнительное звучание: «В газетах много гимнов. Много чести и мало комфорта»⁴².

После неудачи с А. Жидом пребывание в Москве Фейхтвангера было организовано иначе. Отчеты и контролирующих органов, и переводчицы писателя – сотрудницы ВОКС, характеризовали его как человека ипохондрического, придирчивого, мелочного, очень скептически настроенного. Председатель ВОКС Аросев предупреждал Сталина о сомнительной благонадежности Фейхтвангера:

³⁹ 1.12.1936. (*Tagebücher*: 399).

⁴⁰ Sinkó E. *Roman eines Romans*. S. 403.

⁴¹ Отчет Д.Л. Каравкиной в ВОКС, 28.12.1936. Цит. по: *Альтман И.А.* Фейхтвангер в Москве (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 61. Далее ссылки на этот источник даются в тексте в скобках с указанием дат отчета и номеров страниц.

⁴² 2.12.1936. (*Tagebücher*: 399).

а. в. добряшкина

В настоящее время в Москве находится тоже не малая величина в смысле его влияния на европейские умы – Фейхтвангер. Его имя известно на всех материках, да и сам он говорит на главных языках почти всех материков. Кроме того, этот человек, который обладает независимо от своего пера притягательной силой, имеет многочисленных друзей и очень плотную среду почитателей. По своему характеру, он человек мелочный. Отношение его к нам весьма неопределенное. Он также находится на ответственности Союза Советских Писателей.

Судя по первым, поступившим ко мне сведениям о беседах с ним, его поведение после возвращения из СССР также не может не внушать нам беспокойства⁴³.

С именитого гостя столицы буквально не спускали глаз, второй дневниковый мотив после «чествований» – это загруженность писателя, его хроническая усталость, нехватка сна и постоянные простуды: «С нетерпением ждал послеобеденного сна. К сожалению, приехали Мария и Третьяков»⁴⁴. Помимо Марии Остен, с Фейхтвангером почти постоянно находились сотрудница «Жургаза» Людмила Шейнина и переводчица Дора Каравкина (1896–1977), которая ежедневно составляла отчеты о действиях и взглядах писателя. Семнадцать рапортов Каравкиной содержат многое из того, что должен был бы, в соответствии со своими жанровыми особенностями, содержать травелог «Москва 1937». Вряд ли Фейхтвангер предполагал, что в компетенцию его переводчицы входило столь пристальное наблюдение за его жизнью. И поскольку он «жаловался весьма охотно и много», к тому же постоянно вызывая у принимающей стороны «чувство, что он не имеет ни капли доверия»⁴⁵, донесения получались информативными и интересными.

Фейхтвангер, рискуя своим просоветским имиджем, старался избегать традиционной программы и занимался в основном собственными «писательскими делами» – переговорами с издательствами, редакторами, авторами и режиссерами по переработке его вещей для сцены и экрана и т.д.» (13.12.1936. С. 57). Он полностью погружается в собственную необычайно успешную деятельность; каждый раз во время посещений каких-либо мероприятий, на которых присутствовал Фейхтвангер, объявлялось, что он в зале: ему устраивали овацию, приглашали на сцену, просили произнести речь и т.п. «Он был сильно смущен, но, видимо, доволен» (24.12.1936. С. 60). В то же

⁴³ Аросев – Сталину. 13.12.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 132–133.

⁴⁴ Suchanowo, 9.12.1936. (*Tagebücher*: 400).

⁴⁵ Huppert H. *Tagebuch*. 5.1.1937. (Hartmann: 165).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

время записи писателя свидетельствуют о вполне трезвом взгляде на происходящее. Собственно, с этого начинается его «Москва 1937»: «Я спрашивал себя, неужели и я позволю тщеславию изменить мой взгляд на вещи и людей» (Москва 1937: 7). О возможности воздействия на себя через «тщеславие» и «манию величия» Фейхтвангер также не раз упоминал в письмах:

В Москве меня встречали с таким триумфом, что трудно не заполучить манию величия. <...> И все же я счастлив, что решил сюда приехать. Здесь все широко, великолепно, чудовищно юно. Я глубоко убежден, что здесь и есть будущее, и точнее, близкое будущее, особенно для писателя. Я намеренно избегаю патетических слов, но мне это дается нелегко⁴⁶.

Первое, что бросается в глаза переводчице, – это полное отсутствие интереса к строящемуся социализму, Фейхтвангера не интересуют ни письма читателей, ни достижения советского искусства. Правда, он готов был посетить выставку Рембрандта и какую-нибудь постановку Шекспира, желательно «Короля Лира». В остальном постоялец гостиницы «Метрополь» был мелочен и привередлив:

Жаловался на ряд неполадок в мелочах: освещение, мебель и т.д. Так как я убедилась в том, что через Шейнину все это делается слишком медленно и не хотела его оставлять в опасном состоянии недовольства, то я составила длинный список всех его претензий, пошла к администратору и весьма решительно потребовала, чтобы все было исправлено немедленно. К вечеру все было сделано и настроение Фейхтвангера сразу сильно поднялось. Утром он жаловался и, между прочим, заявил: «Вот у вас так много говорят о стахановском движении, а в мелочах видно, как все плохо организовано», – и тут же, – что, по-видимому, в настроении Андре Жида, человека нервного, художника, большую роль сыграли вот такие организационные мелочи (11.12.1936. С. 56).

Несмотря на отсутствие интереса к запланированным мероприятиям, писатель просит Каравкину оформить ему две дополнительные недели пребывания в Союзе, поскольку не успевает выполнить собственную намеренную программу. Фейхтвангера раздражал список людей, с которыми ВОКС намеревался его познакомить, «лишая его возможности встретиться с лицами, которых он хотел бы повидать. Сюда относились А.Толстой, Бабель,

⁴⁶ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Moskau, 9.12.1936. (Feuchtwanger–Zweig: 122).

а.в. добряшкина

Пастернак, Ильф и Петров, Анисимов, Эйзенштейн» (13.12.1936. С. 57). Кроме того, писатель считал обязательным визит к руководителю Коминтерна Г. Димитрову, «чтобы говорить о процессе троцкистов» (19.12.1936. С. 59). Встреча с Димитровым состоялась, несмотря на всю деликатность ситуации: «Сказал, что Димитров очень волновался, говоря на эту тему, объяснял ему полтора часа, но “его не убедил”. Потом Фейхтвангер сообщил мне, что за границей на этот процесс смотрят очень враждебно <...>» (19.12.1936. С. 59). Со временем разговоры о процессах начали раздражать мастера исторического романа: «У меня Анненкова⁴⁷. Просвещает меня несколько наивно в вопросах процесса»⁴⁸; «Глупая Анненкова, которая плохо переводит, очень мешает»⁴⁹.

Фейхтвангер постоянно подчеркивал в публикациях, что откровенно и прямо высказывал свои критические замечания, и его «откровенность в Москве не вызывала обиды. <...> И в частных беседах руководители страны относились к моей критике с вниманием и отвечали откровенностью на откровенность» (Москва 1937: 12). Однако Дора Каравкина выслушивала жалобы совершенно иного рода:

Мы должны были поехать на выставку Рембрандта, но Фейхтвангер это дело отменил, так как решил подготовить свое выступление на приеме у писателей. Занимались мы этим делом ровным счетом от 10 до 3 часов, так как несколько раз переделывалось, переписывалось и т.д. Он все повторяет, что он очень медлителен и ничего не умеет делать быстро.

Между прочим, вел разговор о том, как «опасно» у нас высказывать свои мнения, что, вот, мол, что вышло с Андре Жидом, что ему сказали, что у нас не любят критики, особенно со стороны иностранцев и т.д. Насчет Жиды ему объяснила, почему мы возмущены: его лицемерие и то, что он сейчас льет воду на мельницу фашистов. Насчет последнего он вполне согласился.

То, что он подготовил для своего выступления, я нашла настолько нелепым, что немедленно поехала в ВОКС с копией его. Он мне ее дал с тем, чтобы переводчик ознакомился с текстом (16.12.1936. С. 58).

Отдельной вехой пребывания в СССР стала статья Фейхтвангера «Эстет о Советском Союзе», напечатанная в «Правде» 30 декабря 1936 г. и в оригинале – в февральском номере 1937 г. журнала *Das Wort*. Статья содержала все необходимые советской стороне критические заявления относительно позиции Андре Жиды, и поскольку книга «Москва 1937» еще не появилась,

⁴⁷ Редактор советской немецкоязычной газеты *Deutsche Zentral-Zeitung*.

⁴⁸ 20.1.37. (*Tagebücher*: 408).

⁴⁹ 24.1.1937. (*Tagebücher*: 409).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

а за «Анти-Жидом» напряженно следили и на Западе, и в СССР, то именно она дала импульс бурной реакции в западных читательских кругах. Статья Фейхтвангера была опубликована не сразу, и «непоявление его статьи в “Правде” произвело на него очень неблагоприятное впечатление. Я его успокоила, что просто не успели» (25.12.1936. С. 60). Когда, наконец, выяснилась причина «непоявления», Фейхтвангер пришел в ярость.

Сегодня был трудный день, так как Фейхтвангер поспешил излить на меня все свое негодование по поводу того, что «Правда» требует его изменений о Жиде. Вот, мол, и оправдываются слова Жида о том, что у нас нет свободы мнений, что нельзя высказывать своих мыслей и т.д.

Мехлис⁵⁰ предложил ему переделать некоторые места, в частности, о «культе Сталина». Я ему объяснила, в чем суть отношений советских народов к тов. Сталину, откуда это идет, что совершенно ложно называть это «культом».

Он долго кипятился, говорил, что ничего не будет менять, но, когда пришла Мария Остен, он уже остыл, смиренненько сел с нею в кабинете и исправил то, что она просила, за исключением фразы о «терпимости», которую он ни за что не хотел выбросить (27.12.1936. С. 61).

Статья получалась довольно язвительная, причем в русском переводе начало выглядело вполне «правдинским»: Андре Жид объявил себя коммунистом, поскольку его нервы «потрясли страдания эксплуатируемых негров Конго»⁵¹. В журнале *Das Wort* в ироничном тоне сообщалось, что обращение Жида к коммунизму произошло, поскольку «чувствительному писателю» «страдания эксплуатируемых негров Конго действовали на нервы»⁵². Далее Фейхтвангер пишет портрет Андре Жида практически с себя:

Андре Жид поехал в СССР как парижанин с утонченным вкусом, насмешливый, крайне эгоцентричный, рассматривая Париж как само собой разумеющийся центр мира. Он взирал без всякого участия на то великое, что можно видеть в Советском Союзе; зато его внимание и интерес привлекли некоторые мелкие неоспоримые безвкусицы, которые здесь можно найти. <...> Жид придирчивым глазом увидел в Советском Союзе некоторые мелкие неполадки, безвкусицу, недостаток комфорта. Но он не увидел великую,

⁵⁰ Лев Захарович Мехлис (1889–1953) – главный редактор «Правды» (1930–1937).

⁵¹ Фейхтвангер Л. Эстет о Советском Союзе // Правда. 1936. 30 декабря. С. 3.

⁵² Feuchtwanger L. Der Ästhet in der Sowjetunion. *Das Wort*, 1937, no 2. S. 86.

а.в. добряшкина

возвышенную плановность целого. <...> В то же время, однако, можно увидеть, что в этой стране еще не живет комфортно, в западно-европейском смысле. Можно, например, наблюдать, что в большинстве уборных висит газетная, а не клозетная бумага, какую можно обычно найти в западноевропейской уборной: Жид предпочел во всем устремить свое внимание на недостаток клозетной бумаги⁵³.

Что касается более серьезных упреков Жида, то он, прежде всего, в ожесточенной форме критикует «обогащение» Сталина. <...> Но если присмотреться глубже, то становится ясно, что это исключительное почитание относится не к Сталину, как к отдельному человеку, а как к представителю социализма. <...> Жид делает далее издевательские замечания по поводу стахановских методов. Он полагает, что только «леность» русских сделала необходимыми эти методы⁵⁴.

Затем в немецком тексте следовали риторические вопросы к Жиду об инертной природе человека и необходимости «многих способов для преодоления этой инертности»⁵⁵. Пассаж о лени заканчивался в немецком тексте более прямыми обвинениями Жида в «западной заносчивости, дурном настроении, оторванности от реальности и злой воле». И – снова унисон обоих текстов:

Жид приехал в Советский Союз <...> как пресыщенный эстет, жаждущий новых ощущений. Ему здесь пришлось не по вкусу. Это его частное дело. Но он заявил об этом в момент, когда нападение на Испанию угрожает делу борьбы за социализм во Франции и во всем мире; это было – и это должен был понимать даже Жид, – помощью противнику, ударом по социализму, ударом по прогрессу всего мира.

Здесь в «Правде» красуется пассаж, которого нет в немецком журнале вовсе: он касается художественной ценности французского тревеллога и оценки Жида как писателя.

<...> Но книга даже по своей внешней форме не удалась и не могла быть удачной, так как она по своему содержанию внутренне противоречива и не-

⁵³ О туалетной бумаге в книге А. Жида речь не идет, это метафора Фейхтвангера.

⁵⁴ Фейхтвангер Л. Эстет о Советском Союзе.

⁵⁵ Feuchtwanger L. Der Ästhet in der Sowjetunion. S. 87.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов правдива. Получился слабый, скомканный памфлет, недостойный великого стилиста Жида.

За день до появления статьи в «Правде» Д. Каравкина рапортовала:

Фейхтвангер вел бесконечные разговоры о неудобствах жизни в Советском Союзе, жаловался на обслуживание в гостинице, на неаккуратную доставку почты и целый ряд других неполадок. Я договорилась с администратором, чтобы все эти неполадки были устранены. Потом разговоры о литературе, – почему его «Еврей Зюсс» был несколько лет запрещен (кто ему это сказал, не знаю), что мы охотнее допускаем писателей, писавших до первой половины XIX века, а «новые идеи» XX века нам, якобы, не подходят и т.д. (29.12.1936. С. 61).

Наконец, за несколько дней до встречи со Сталиным в Кремле (8.1.1937) в отчетах Каравкиной появляется квинтэссенция размышлений Фейхтвангера о Советском Союзе:

Мне иронически завил, что хотел бы посмотреть, как напечатают в СССР его вещь, в которой он бы изобразил нашу жизнь «такой неудобной, какой она ему кажется», что, как ни прекрасно в Советском Союзе, он все же предпочитает жить в Европе (4.1.1937. С. 62).

Судя по письму, которое чуть позже напишет Марии Остен Людмила Шейнина, подобными «ироническими заявлениями» Фейхтвангер пугал не только Каравкину. Однако своему другу Цвейгу Фейхтвангер представлял совершенную поездку в ином ключе:

Теперь, когда я снова счастлив оказаться дома, я с полным правом могу подвести итог и сказать, что для меня было счастьем побывать в России <...>. Эта страна – такое испытание <...>. Я только сейчас потихоньку начинаю упорядочивать мои впечатления⁵⁶.

После возвращения из Советского Союза Фейхтвангер «подвергся чудовищным нападкам, причем со всех сторон»⁵⁷; «самые остроумные», – иронизировал Фейхтвангер, – «предполагают, что причина моего теплого отношения к Советскому Союзу в предоставленной мне возможности возглавлять *Das Wort*»⁵⁸. Вилли Бределю Фейхтвангер жаловался на реакцию коллег:

⁵⁶ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 27.2.1937. (Feuchtwanger–Zweig: 147).

⁵⁷ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 8.3.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 85.

⁵⁸ Lion Feuchtwanger an *Das Wort*. Sanary, 24.2.1937. Там же. Л. 82.

а.в. добряшкина

Почти все норвежские писатели подписали открытое письмо, которое было опубликовано в большинстве скандинавских, во многих английских и в некоторых эмигрантских газетах, и в котором резко осуждалось мое позитивное отношение к московским процессам. В пражской прессе, прежде всего социал-демократической, в связи с запретом моего выступления в Праге появилось невообразимое множество грубостей и оскорблений в мой адрес, упреки были вызваны, в первую очередь, моей статьей о Жиде и той парой слов, которые я опубликовал о процессе. Особо при этом отличился Курт Хиллер. Имперская немецкая пресса, конечно, сообщала об этом с удовольствием.

В остальном я все же намерен написать теперь книжку о моих московских впечатлениях, немного потолще книжки Жиды. Я уже примерно десять дней над ней работаю, однако пока еще не знаю, получится ли она такой, что ее можно будет опубликовать⁵⁹.

Бредель писал соредктору слова ободрения, деликатно, но направляя опытной рукой его сетования в русло нужной терминологии:

Ваше намерение все же написать теперь книжку о Ваших московских впечатлениях я считаю превосходной идеей. Я думаю, это был бы лучший и самый действенный ответ всем этим бездельникам, которые на Вас набросились⁶⁰.

Переписку Вилли Бредель вел искусно: в любом письме, изобилующем информацией о работе над журналом, имелся или ненавязчивый постскриптум, напоминавший покинувшему столицу гостю о его непреходящей писательской славе, или ненавязчивое упоминание друзей Фейхтвангера («Дорогой Фейхтвангер, мне велено передать Вам сердечный привет от очень многих из Ваших здешних друзей»⁶¹).

В то же время Доре Каравкиной, которая должна была стать переводчицей еще не написанного травелога, Фейхтвангер в конце февраля неохотно сообщал о своих планах, избегая определенного ответа («Буду ли я писать о Москве, это еще вопрос. Но вполне возможно, что я в течение марта и апреля соберу мои впечатления в маленькой книжке»⁶²), хотя работа над загадочным «отчетом для друзей» уже шла полным ходом. В дневнике 7 марта писатель отмечал, что «размышлял над сложностями в русской книге»⁶³; через пару дней он читал информацию о России и удивлялся: «Вижу, насколько я плохо

⁵⁹ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 8.3.1937.

⁶⁰ Willi Bredel an Lion Feuchtwanger. Moskau, 17.3.1937. Там же. Л. 86.

⁶¹ Там же.

⁶² Lion Feuchtwanger an Dora Karawkina. Sanary, 28.2.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 72.

Л. 1.

⁶³ Sanary, 7.3.1937. (*Tagebücher*: 413).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

осведомлен. Работалось плохо»⁶⁴. 14 марта первая редакция была закончена и начата вторая. Через неделю после записи в дневнике Фейхтвангер сообщал переводчице о готовности первой редакции «маленькой книги о московских впечатлениях»:

Она, конечно, содержит много критики. Мои упреки относительно гостиницы «Метрополь» я опустил, но зато я включил некоторые возражения относительно ограничения репертуара и понимания демократии. Хорошо вышли, на мой взгляд, те пассажи, где я рассуждаю о конфликте Сталина и Троцкого и пытаюсь передать собственное впечатление от Сталина, а также мой отчет о процессе⁶⁵.

Фейхтвангер также подтверждал, что он не против перевода книги на русский язык Д. Каравкиной, и интересовался, как можно опубликовать фрагменты в «Известиях» или «Правде»: особенно для публикации подошли бы вступление и главы о встречах с молодой советской интеллигенцией и о строительной выставке.

В отличие от Бределя, Людмила Шейнина, сотрудница редакции *Das Wort*, в своем письме Марии Остен, уехавшей обратно в Испанию, представляла те же самые события в совершенно ином свете: она сообщала, что Бредель «в плохом настроении», а давно отбывший во Францию Фейхтвангер «намерен написать книжку о своих впечатлениях» и что у нее «седеют волосы при этой мысли»⁶⁶. Из этой эмоциональной и весьма ценной реплики можно сделать два вывода: во-первых, Шейнина, которая была в курсе практически всех дел, по какой-то причине не участвовала в предложенном Кольцовым совещании относительно Жиды и Фейхтвангера («хорошенько обсудить все с Фейхтвангером в Москве»); во-вторых, Шейнина, которая проводила в Москве с Фейхтвангером очень много времени и была прекрасно осведомлена о его истинных «впечатлениях», оценивала намерение писателя рассказать о московской поездке как приближающуюся катастрофу. Таким образом, то, что написал в итоге Фейхтвангер «для своих друзей», оказалось непредсказуемым маневром писателя, неожиданностью для всех: и для западной, и для советской общественности, и для близко знавших писателя друзей и коллег.

Поездка в СССР (1.12.1936–5.2.1937), как и последовавшая за ней публикация травелога – в издательстве *Querido* на немецком языке и в издательстве «Художественная литература» в переводе Каравкиной (что в самой книге нигде не указывалось) на русском языке – всколыхнули весь эмигрантский

⁶⁴ Sanary, 9.3.1937. (*Tagebücher*: 413).

⁶⁵ Lion Feuchtwanger an Dora Karawkina, Sanary, 20.3.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 1.

⁶⁶ L. Scheinina an Maria Osten. Moskau, 17.3.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 143. Л. 415.

а.в. добряшкина

мир. Писателей-эмигрантов, поддержавших Фейхтвангера, подобно Брехту и Г. Манну, было мало. Томас Манн коротко отметил в дневнике: «Странно это читать»⁶⁷, близкий друг Цвейг «листал, качая головой»⁶⁸.

Покинув СССР, Фейхтвангер вернулся к прежней жизни: его участие в популяризации себя как апологета СССР было минимальным. На предложение Бределя опубликовать в *Das Wort* фрагмент нового произведения автор отвечал уклончиво:

Можно ли будет что-то выкроить из этой книжечки о России для первой публикации в *Das Wort*, я не знаю. Небольшой фрагмент хорошо бы дать «Известиям», которым я его уже давно обещал, а еще один – Аплетину для юбилейного альманаха. Но если что-то найдется, конечно, я Вам пришлю⁶⁹.

Эти фрагменты – «Советская молодежь» и «Москва становится прекраснее» – Фейхтвангер отправил заместителю Кольцова по Иностранной комиссии М.Я. Аплетину, чем «порадовал его как советского гражданина»⁷⁰, однако радость была «омрачена» тем, что оба текста сразу были опубликованы, а альманах так и остался без статьи Фейхтвангера. Фрагмента для *Das Wort* Фейхтвангер также не нашел: писатель явно хотел избежать публикации в собственном издании. Тем не менее, книга была анонсирована в пражском издании *Weltbühne*. Бредель своего разочарования не показал.

Я с нетерпением жду Вашей книги о России, как, впрочем, и все здесь. Ваше предисловие в *Weltbühne* мне очень понравилось, а первую часть, которая тут некоторым известна, очень хвалят. Когда книга появится? Можем ли мы рассчитывать на право преимущества и получить экземпляр как можно скорее?

С Маркузе я последнее время провожу каждый вечер⁷¹.

Наконец, в мае 1937 Фейхтвангер известил Бределя о готовности чернового варианта «книжки»:

Как только будут внесена корректура, я Вам книжку вышлю. Она будет опубликована не позже начала июля. Это было не очень-то легко – пробиться в западное издательство, поскольку издание пробольшевистской книги кажется им делом весьма сомнительным. Немецкое издание появится в *Quer-*

⁶⁷ Thomas Mann. Tagebuch, 8.7.1937. Thomas Mann. *Tagebücher: 1937–1939*. Frankfurt / M.: Fischer Verl., 1990. S. 74.

⁶⁸ Arnold Zweig an Lion Feuchtwanger, Wien, 29.7.1937. (Feuchtwanger–Zweig: 163).

⁶⁹ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 1.4.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 89.

⁷⁰ M. Apletin an Lion Feuchtwanger. Moskau, 11.4.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 4.

⁷¹ Willi Bredel an Lion Feuchtwanger. Moskau, 25.4.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 97.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

do, и оно уже сдано в печать⁷². Я надеюсь, что в Советском Союзе на меня не обидятся за пару критических замечаний, которые мне пришлось сделать и без которых, впрочем, книга точно осталась бы незамеченной на Западе.

Я рад, что Вы хорошо ладите теперь с Маркузе; передайте ему мой сердечный привет⁷³.

Важным моментом в череде событий, проливающих свет на позицию Фейхтвангнера, был запланированный на июль 1937-го в Испании Второй конгресс писателей в защиту культуры. Кольцову, положение которого, как он и сам чувствовал, становилось все более шатким, было очень важно провести Конгресс на должном уровне и с участием Фейхтвангера как антагониста А. Жида. В конце мая Кольцов сообщал Сталину, что Андре Жид, входивший в Президиум Ассоциации писателей в защиту культуры, в Конгрессе участвовать не будет: «Жид не поедет <...> Фейхтвангер несколькими телеграммами потребовал встречи со мной. Я остановлюсь у него по пути в Испанию»⁷⁴.

Из писем и дневника Фейхтвангера нельзя однозначно понять, была ли эта встреча действительно его инициативой, или Кольцову было просто выгодно так представить ситуацию в официальной корреспонденции. Действительно, Фейхтвангер в начале апреля писал о желании встретиться с Кольцовым, но явно не из-за книги о «впечатлениях»: «Я надеюсь, что я наконец-то увижу Кольцова. Он самый разумный из всех там, и мне хотелось бы кое-что сделать для Эйзенштейна»⁷⁵. В том же письме вполне однозначно вырисовывается заинтересованность советской стороны в книге (и срочность ее написания) и незаинтересованность самого Фейхтвангера в визите Кольцова. Кроме того, писатель однозначно выражает свое отношение к работе над травелогом – она его тяготит: «На меня со всех сторон сильно давят с рукописью, и я точно уверен, что смогу успеть к сроку. Тогда я буду свободен. Если не брать в расчет возможный визит Кольцова, который я в конце концов мог бы устроить и в Париже и от которого я мог бы отказаться, если он будет назначен в неудобное время» (Hartmann: 194).

Двухдневный визит Кольцова, во время которого Кольцов и Фейхтвангер «основательно все обсудили»⁷⁶, «обошелся» Фейхтвангеру, согласно «Испанскому дневнику», в семнадцать страниц «Иосифа» и хорошенько «встряхнул»⁷⁷ писателя. Кольцова, во-первых, беспокоило состояние очередной редакции

⁷² Первое изд. – Feuchtwanger L. *Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freunde*. Amsterdam: Querido Verlag, 1937.

⁷³ Lion Feuchtwanger an Willi Bredel. Sanary, 3.5.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 100.

⁷⁴ Кольцов – Сталину. Париж, 23.05.1937 // Большая цензура. С. 468.

⁷⁵ Lion Feuchtwanger an Eva Hermann. 4.1937. (Hartmann: 193).

⁷⁶ Lion Feuchtwanger an Dora Karawkina. Sanary, 26.5.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79.

Л. В.

⁷⁷ Кольцов М. Испанский дневник С. 360.

а.в. добряшкина

«Москвы 1937», в том числе для перевода на русский язык. Во-вторых, Кольцову надо было уговорить Фейхтвангера принять участие во Втором конгрессе в защиту культуры, на котором планировалось подвергнуть Андре Жида публичному остракизму.

В отчете Кольцова о подготовке Конгресса в Испании Фейхтвангер упоминался отдельным пунктом: «У Фейхт[вангера] я был»⁷⁸. Секретарю Сталина А. Поскребышеву был сразу отправлен со слов М.Кольцова более подробный отчет:

По просьбе Лиона Фейхтвангера посетил его в Санари и посмотрел его книжку об СССР. Книга вполне дружественная, активно выступает за Советский Союз и его политику, против Троцкого. Фейхтвангер одобряет суд над троцкистами и приговор, признает Троцкого пособником фашизма и действия его такими, какими они были квалифицированы на процессе. Он разыскал также заявление Троцкого, сделанное им в 1931 году, в котором он предусматривает возвращение к власти свое и своей троцкистской партии лишь в случае вооруженного нападения на СССР и лишь при помощи интервентов. <...> Мне кажется, это заявление мы никогда еще не использовали. При всем этом в книге Фейхтвангера есть множество политических глупостей и вообще дурацких суждений. Полемизируя с Жидом, Фейхтвангер старается сохранить позу объективного наблюдателя и, в частности, проявляет это в комплиментах по адресу прошлого Троцкого и его литературных талантов. Я настойчиво просил Фейхтвангера выбросить целый ряд подобных мест, как фактически неверных, доказывая, что и нам и ему будет неприятно цензурировать русское издание книги или совсем его не выпустить и что поэтому лучше сделать поправки в немецком и английских изданиях. По моему впечатлению, если не все, то большинство поправок он сделает»⁷⁹.

Наконец, В.П. Ставский информировал Сталина: «Конгресс готов более или менее, в частности – Фейхтвангер и Генрих Манн участвовать будут – о других участниках тов. Кольцов не сообщает»⁸⁰.

Фейхтвангер, однако, в Испанию не поехал. По его собственным словам, это было невозможно из-за неготовности документов. Вместо Конгресса в защиту культуры писатель отправился на Конгресс ПЭН-клуба в Париже, хотя еще в апреле сообщал своему другу Генриху Манну, «что у него будет время поучаствовать в обоих конгрессах»⁸¹ и что «организация конгресса

⁷⁸ Кольцов – Ставскому. 1.06.1937 // Большая цензура. С. 469.

⁷⁹ Гиршфельд – Сталину. Париж, 9.6.1937. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 232. Л. 60.

⁸⁰ Ставский – Сталину, Кагановичу, Андрееву, Ежову, 10.06.1937 // Большая цензура. С.471.

⁸¹ Lion Feuchtwanger an Heinrich Mann, Sanary, 19.4.1937. (*Briefwechsel*: 304).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

в Испании» – это смелое и прекрасное решение. Более того, тому же Генриху Манну Фейхтвангер писал, что пытался подробнее узнать об испанском Конгрессе у Михаила Кольцова. В итоге Второй писательский конгресс проходил в Валенсии, Мадриде и, наконец, 16-17 июня в Париже, куда Фейхтвангера непрерывно приглашали, однако писатель лишь отправил коллегам свое приветствие. Позиция Фейхтвангера в данном случае совершенно ясна: он не поехал на Конгресс, который должен был пройти под знаком протеста против Андре Жида, поскольку сам этого не захотел и остался в своем решении непоколебим. В июле 1937-го Фейхтвангер подчеркнул в переписке с Генрихом Манном, что тот принял правильное решение, заранее отказавшись от участия в Конгрессе (с чем Г.Манн, в свою очередь, согласился: «Мы ничего не пропустили в Испании»⁸²), а в августе – отметил нервное письмо «ужасно оскорбленного»⁸³ Кольцова из-за отсутствия Г. Манна и Фейхтвангера и неудавшегося мероприятия и переключился на свое творчество.

Кольцов, в свою очередь, получив после Конгресса постановление Политбюро, «решил этот свой ответ написать не в виде отдельной статьи, а включить в продолжение своей книги – “Испанского дневника”»⁸⁴:

Кто-то из делегатов привез книжку Андре Жида – уже вторую его книжку об СССР. Я перелистал – это уже открытая троцкистская брань и клевета. Он и не скрывает этого – открыто называет имена видных троцкистов и антисоветских деятелей, которые «любезно» предоставили материалы⁸⁵.

На Конгрессе, 7 июля, Кольцов выступил с речью, значительная часть которой была посвящена отсутствовавшему Андре Жиду.

Выпуская свою книжку, полную грязной клеветы на Советский Союз, этот автор пытался сохранить видимость нейтральности и надеялся остаться в кругу «левых» читателей. Напрасно! Его книга сразу попала к французским фашистам и стала, вместе с автором, их фашистским знаменем. И что особенно поучительно для Испании, – отдавая себе отчет в симпатиях масс к Испанской республике, опасаясь навлечь на себя гнев читателей, Андре Жид поместил в глухом уголке своей книги несколько невнятных слов, одобряющих Советский Союз за его отношение к антифашистской Испании. Но эта

⁸² Heinrich Mann an Lion Feuchtwanger, Briançon, 7.8.1937. (*Briefwechsel*: 310).

⁸³ Lion Feuchtwanger an Heinrich Mann, Sanary, 10.8.1937. (*Briefwechsel*: 311).

⁸⁴ Фрадкин В. Дело Кольцова. С. 218.

⁸⁵ Кольцов М. Испанский дневник. С. 416.

а.в. добряшкина

маскировка не обманула никого! Книга была перепечатана целиком в ряде номеров главного органа Франко «Диарио де Бургос». Свои узнали своего!

Потому мы требуем от писателя честного ответа: с кем он, по какую сторону фронта борьбы он находится?⁸⁶

Испанская делегация также поддержала протест против позиции А.Жида:

Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей. Это не критика, это клевета. Наши дни показали высокую ценность – солидарность людей, солидарность народа. Два народа спаяны солидарностью в дни тяжелых испытаний – русский народ и испанский. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое, презрительное молчание Мадрида пойдет за Андре Жидом и будет для него живым укором!⁸⁷

Травелог Фейхтвангера, возмущавший европейскую общественность в той же мере, в какой травелог Андре Жида возмущал советскую, до редакции *Das Wort* так и не дошел. Фейхтвангер четыре раза высылал в Москву свою книгу, и все четыре экземпляра исчезали, оседая в архивах контролирующих органов.

Я несколько раз просил издательство отправить Вам мою книгу о Москве; для подстраховки мы отправили ее Вам прямо отсюда. Я надеюсь, что Вы ее теперь все-таки получите.

Пожалуй, все, что я мог сказать о Советском Союзе, я, как мне кажется, сказал в этой книге и при всем моем желании ничего больше не смогу из себя выжать. Поэтому я хочу Вас попросить, если захотите что-то от меня получить, перепечатывайте это из книги. Возможно, обобщающую последнюю главу⁸⁸.

⁸⁶ Там же. С. 424.

⁸⁷ Там же. С. 426.

⁸⁸ Lion Feuchtwanger an Fritz Erpenbeck. Sanary, 31.8.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 125.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

Своим «ничего больше не смогу из себя выжать» Фейхтвангер давал понять, что кампанию «Анти-Жид» он считает завершённой. Более того, осенью, примерно в конце октября – начале ноября он написал Кольцову, как Кольцов докладывал Сталину (не сразу, а лишь полтора месяца спустя, когда началась проверка издательства Кольцова), «в Испанию довольно плаксивое письмо, в котором говорил о желании выйти из состава редакции издаваемого в Москве немецкого литературного журнала "Дас Ворт"»⁸⁹. И хотя Кольцов в письме Сталину объяснял желание Фейхтвангера уйти «чисто техническими неполадками», сам журналист номер один в это вряд ли верил. Переписка, сообщал далее Кольцов Сталину, продолжилась. После того, как Кольцов сослался на то, что «выход его из редакции крайне нежелателен, так как был бы использован троцкистами и другими врагами СССР, что надо придумать что-нибудь для облегчения техники его сотрудничества»⁹⁰, Фейхтвангер, оберегавший в меру своих сил имидж СССР, снова решился на компромисс.

«Москва 1937», изданная в Амстердаме на немецком языке, попала в редакцию журнала лишь через полгода, когда был уже опубликован ее перевод на русский язык.

28 ноября 1937 г. Аpletин извещал Фейхтвангера о том, что книга «Москва 1937» появилась на русском языке тиражом в двести тыс. экземпляров. Аpletин прилагал двенадцать первых рецензий и подчеркивал, что в Москве «интерес к книге неслыханно большой»⁹¹. Несколькими днями позже этой же новостью делилась Дора Каравкина.

Вызванный в Москву в ноябре 1937 г. Кольцов в своеобразной форме поздравил Фейхтвангера, подчеркнув именно тот мотив – СССР как «единственная действительно антифашистская твердыня», – которым, вероятно, и руководствовался писатель во время работы над созданием книги и статей о Советском Союзе:

Я был очень рад чрезвычайному успеху, который имела здесь Ваша книга о Москве. Гигантский тираж в 200000 экземпляров был буквально раскуплен за неделю. О книге много говорили и дискутировали.

Что касается лично меня, я, как обычно, работаю в «Правде» и, кроме того, усердно пишу мою книгу об Испании (в форме дневника). Работа сейчас была прервана процессом против «право-троцкистского блока». Я целую неделю просидел в зале суда, потеряв дар речи при виде огромной кучи грязи

⁸⁹ Кольцов – Сталину. 15.12.1937. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 232. Л. 64.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ M. Apletin an Lion Feuchtwanger. Moskau, 28.11.1937. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 13.

а.в. добряшкина

и преступлений, потеряв дар речи из-за потрясшей меня трагедии убийства нашего и Вашего друга Максима Горького. Вы правы: советские писатели должны еще все эти чудовищные вещи подробно изобразить и объяснить, и они это сделают. Но сейчас еще не пришло для этого время. Сейчас время борьбы, грозящей опасности военной агрессии, фашистского нападения на Советский Союз, что, благодаря разоблачению заговора Бухарина и Ягоды, конкретно доказано. Все прогрессивные и мыслящие люди во всей Европе и мире должны объединиться для защиты единственной действительно антифашистской твердыни – Советского Союза. Сейчас это уже не вопрос вкуса или симпатии, это дело разума, что, к сожалению, понимают не все Ваши немецкие коллеги...⁹².

После ареста Кольцова, однако, в дневнике Фейхтвангера появилась запись: «Кажется, Кольцов окончательно в немилости»⁹³. Фейхтвангер ограничился сухой, констатирующей факт фразой, хотя в течение долгого времени – по крайней мере, до их встречи во Франции и Испанского конгресса – Кольцов казался ему «самым разумным из всех там». К сравнению, на последовавшее за арестом Кольцова «исчезновение журнала *Das Wort*», работа в котором уже давно тяготила писателя, он реагировал, напротив, очень эмоционально. Письмо в редакцию «Международная книга» в очередной раз показывало Фейхтвангера с неожиданной стороны. Тон письма был резкий, а высказывания, за исключением пары иносказаний, были предельно конкретными. Так или иначе, письмо было написано человеком, у которого накопилось много претензий к гостеприимным Советам.

Дорогие товарищи!

Ваше письмо, в котором содержится Ваше сообщение об исчезновении журнала *Das Wort*, я получил.

Я не исключаю тех причин, которые вы указываете, говоря о принятых вами мерах, хотя можно привести очень много очень весомых контраргументов: но особенно прискорбной я нахожу ту обескураживающую поспешность, с которой вы приняли столь важное решение! Вы избавили бы меня и также других редакторов от многих весьма неловких ситуаций, если бы вы поставили нас в известность о вашем решении раньше <...>.

Вы знаете, что редакторской работой я занимался на общественных началах и что эта работа требовала большой самоотдачи и была связана

⁹² M. Kolzow an Lion Feuchtwanger. Moskau, 11.3.1938. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 65. Л. 153.

⁹³ 93 Sanary, 4.1.1939. (*Tagebücher*: 451).

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов с массой неприятных моментов, что она стоила мне времени, денег и сил. Я считаю неправильным, что вы оплатили мне за мои старания тем, что поставили меня перед совершившимся фактом и не дали мне хотя бы время, чтобы оправдать эти изменения в глазах моих друзей. Здесь, на западе, скоропалительное исчезновение *Das Wort* ни в коем случае не способствует повышению престижа литературной политики Советского Союза, и столь же мало способствует повышению этого престижа та манера, в которой вы дискредитировали редакторов *Das Wort*. <...>

Я не имею склонности к беспричинному недовольству, и я понимаю, как уже упоминал, причины принятых вами мер. Но то, как вы осуществили эти изменения, я воспринимаю как оскорбление тех писателей и редакторов, которые сотрудничали с *Das Wort*, и я глубоко разочарован в исходе моей редакторской работы⁹⁴.

Фейхтвангер снова ясно заявил – и снова не публично, не у себя на Западе, а в переписке с советской стороной – о своем отношении к системе строящегося социализма. И все же, несмотря на все «глубокое разочарование», на то, что совсем скоро слава Фейхтвангера оказалась в тени Пакта о ненападении, писатель не отказался от «своего принципиального выбора и просоветской позиции. Не было ни опровержения травелога “Москва 1937”, ни публичного дистанцирования от Сталина и его политики, которую он считал оправданной нападением немцев на СССР и победой над нацистской Германией» (Hartmann: 85). В июле 1941 г. Фейхтвангер писал Цвейгу из Калифорнии, куда ему удалось перебраться после многих злоключений в оккупированной нацистами Франции:

Ситуация с моими собственными внутренними делами вполне хороша. Нет необходимости Вам рассказывать, какие трудности мне пришлось преодолеть по причине того, что я остался при своем мнении о русских, и из-за этого очень многие очень часто проявляли ко мне враждебность. Сейчас, когда мое общее представление оказалось верным, они изворачиваются, как могут, достаточно забавно, но по большей части отвратительно⁹⁵.

Антагонизм Жиды и Фейхтвангера можно считать, пожалуй, самой яркой литературно-политической кампанией за все годы немецкой эмиграции.

⁹⁴ Dr. Lion Feuchtwanger an Meshdunarodnaja Kniga. Sanary, 10.05.1939. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Ед. хр. 20 г. Л. 23–24.

⁹⁵ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Pacific Palisades, 9.7.1941. (Feuchtwanger–Zweig: 231).

а.в. добряшкина

И если позиция Жида относительно ясна, то «Отчет о поездке для моих друзей» Фейхтвангера остается предметом споров и сомнений историков. Как правило, все исследования базируются на формуле «преувеличил, исказил или солгал Фейхтвангер»⁹⁶, то есть рассматриваются три обстоятельства, повлиявшие на создание «Москвы 1937»: ошибочное восприятие Фейхтвангером советской реальности, вызванное его плохой осведомленностью; неспособность писателя признать иллюзией свои мечты о строительстве «гигантского государства только на основе разума» (Москва 1937: 5); наконец, его коррумпированность. Исследователь М. Рорвассер, правда, замечает: «Эти упреки и объяснения – беспомощные попытки смягчить провокационность книги; они говорят о том, что автором травелога стал не веривший в прогресс писатель-гуманист, а лжец, взяточник или тактик»⁹⁷. И дневниковые записи, и письма, и донесения сотрудников ВОКС, и собственно творчество писателя позволяют исключить все, что касается его «слепоты на один глаз»⁹⁸ или даже полной добровольно «возложенной на себя слепоты», из-за которой книга «кажется такой монструозной»⁹⁹ и провокационной. Фейхтвангер не был ни слепцом, ни лжецом, ни взяточником.

Анне Хартман, располагавшая обширными документальными и архивными материалами и детально проследившая линию «симпатизирования» Фейхтвангера Советскому Союзу, приходит к заключению, что писатель заблуждался: «Желание Фейхтвангера увидеть в СССР осуществленный идеал ориентированного на разум общества было сильнее, чем фактическая реальность» (Hartmann: 98). Сложно отрицать веру писателя в разум и его мечту о государстве, построенном «на основах разума», – Фейхтвангер действительно стоял «на стороне разума» и «симпатизировал великому опыту, принятому Москвой, с самого его возникновения» (Москва 1937: 6). Однако акцент на зависимости Фейхтвангера от собственных мечтаний и иллюзий все же упрощает постановку проблемы и искажает оставленный современниками «портрет» писателя, поскольку слабо согласуется с тем, каким его увидели в СССР, – с человеком «мелочным», скептическим, язвительным, действующим в собственных интересах.

Образ Фейхтвангера, вошедший в историю литературы, всегда включал, помимо скепсиса и потребности в комфорте, две устойчивые ассоциации: в творческом плане – с предпочитаемым им жанром исторического романа; в человеческом – с уникальной внутренней «непоколебимостью». Фейхтвангер

⁹⁶ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion. Ein Buch nicht nur für seine Freunde*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. S. 17.

⁹⁷ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten: die Literatur der Exkommunisten*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. S. 152.

⁹⁸ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion*. S. 13.

⁹⁹ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten*. S. 151.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

педантично оберегал неприкосновенность своих личных границ. Людвиг Маркузе, друг и сосед Фейхтвангера во Франции, вспоминал о его удивительной черте:

Из чего состояло мощное ограждение, которое на протяжении всей жизни Фейхтвангера так хорошо его защищало? <...> Внутренняя, сильнейшая линия: непоколебимое самосознание <...>. Мировой успех подтверждал то высокое мнение, которое он имел о себе. <...> Следующая линия укрепления заключалась в гордости своей принадлежностью к древнейшему культурному народу <...>. Затем следовала еще одна вполне крепкая стена: стабильное, непроблемное мировоззрение. <...> Четвертый крепостной вал Фейхтвангера я с удивлением наблюдал собственными глазами. <...> Он создал на Средиземном море новые стены из книг <...>. Он в буквальном смысле слова жил в стенах мировой литературы. Он тотчас же окружал себя, куда бы ни забрасывала его судьба, толпами почитаемых покойников всех прошедших времен.

Он не был книжным червем, он был буржуазным эпикурейцем, с особенно чувствительным желудком, созданным лишь для хорошо приготовленного слова¹⁰⁰.

Фейхтвангер, имевший имидж буржуазного писателя с солидным весом на литературной сцене, осознанно рисковал своим добрым именем. Его решение, последствия которого были предсказуемы и которое, судя по дневниковым записям и переписке, долго вызревало, должно было иметь серьезные основания. Свой травелог – «свидетельство и тяжкую ношу» (Hartmann: 14) – Фейхтвангер писал, предвидя обвинения и в подкупе, и в сознательной лжи, и в поспешности выводов, и в политической наивности («То, что книжка о России вызовет серьезные обвинения, было предсказуемо. Естественно, немцы кричат, что я был подкуплен. Ах, если бы они знали, как в любом отношении дорого приходится платить за то, чтобы вступаться за Советы»¹⁰¹).

Исследовательская литература изобилует интересными и часто одинаково трактуемыми наблюдениями, что позволяет сделать вывод о нарочитости, намеренной маркированности провокационных, бросающихся в глаза пассажей, авторской интенциональности: Фейхтвангер писал «странно» в надежде, что эта «странность» (или, по М. Рорвассеру, «провокационность») будет замечена. С первых страниц он под видом путевого очерка предлагает псевдотравелог. «Появляется странное двойственное и противоречивое произведение. Вместо физического присутствия оно предлагает информацию из вторых рук,

¹⁰⁰ Marcuse L. *Mein zwanzigstes Jahrhundert. Auf dem Weg zu einer Autobiographie*. Zürich: Diogenes, 1988. S. 184, 185.

¹⁰¹ Feuchtwanger an Heinrich Mann, Sanary, 10.8.1937. (*Briefwechsel*: 312).

а.в. добряшкина

рассуждения – вместо описания пережитого. “Москва 1937” – это скорее метафора “всемирно-исторических успехов, достигнутых Советским Союзом”¹⁰², чем место и время конкретной реальности. В итоге защищается утопия, а не реально существующая страна» (Hartmann: 105). Резко отличающийся от прозы Фейхтвангера язык «Москвы 1937», приближенный, с точки зрения немецкоязычного читателя к «языку детской книги»¹⁰³, бросается в глаза всем и окончательно портит впечатление. В результате, «потенциальная задача книги – вызвать у западных интеллектуалов доверие к Советскому Союзу – не может быть осуществлена из-за специфического антиинтеллектуального аффекта»¹⁰⁴. Направляясь в Москву, Фейхтвангер не знает русского языка, не ищет информацию о стране, не интересуется ею во время поездки, однако, решив написать травелог, для которого важны впечатления, а не страноведческие знания, погружается в доступную ему справочную литературу. Справочная литература, которой пользовался писатель, – отдельная загадка в случае Фейхтвангера, поскольку среди информации, предложенной им читателю, имеются данные, которые вряд ли могли сами по себе оказаться под рукой немецкого эмигранта, живущего во Франции. Однако при этом фактографические искажения настолько очевидны, что напрашивается вывод о намеренной «провокации» и намеренно закодированном произведении, цель которого – не свидетельство об «удавшемся эксперименте», а нечто иное.

Несуразность, примитивизм стиля «Москвы 1937», подмена жанровой формы, нелогичность и неточность описываемого, раздражающий «аффективный заряд прозы Фейхтвангера»¹⁰⁵ – это, скорее всего, не проявление авторской несостоятельности, ошибочности представлений автора, его романтизма, а сигналы о необходимости двойного прочтения. В этом случае наблюдения немецких историков литературы не обнаруживают противоречий, а лишь требуют дополнительных изысканий.

Не останавливаясь на анализе самого текста, и весьма интересном сопоставлении, во-первых, немецкого и русского варианта, во-вторых, текста Фейхтвангера и текстов Каравкиной, все же стоит отметить один из наиболее броских маркеров двойного прочтения. «Москва 1937» называется весьма неопределенно: «Отчет о поездке для моих друзей». Каких друзей имел в виду Фейхтвангер, когда вернулся из СССР и подвергся «нападкам» Кольцова и других адептов «великого опыта», заинтересованных в опровержении травелога А. Жида? «Друзей СССР?» Или можно предположить, что указание адресата имеет вполне конкретное значение и Фейхтвангер обращался именно к своим личным друзьям? В таком случае он адресует книгу,

¹⁰² Цитируемый А. Хартман фрагмент *Moskau 1937* приводится по рус. изд.: Москва 1937: 113.

¹⁰³ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion*. S. 16.

¹⁰⁴ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten*. S. 153.

¹⁰⁵ Ibid. S. 153.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

прежде всего, коллегам, литераторам, от которых ждет определенного понимания – соотнесения своей позиции и своего текста, которого, однако, не последовало. И даже А. Цвейгу, с которым Фейхтвангера связывала давняя и крепкая дружба, пришлось объяснять, что «в Москве никоим образом его не вынуждали писать о Жиде. Он еще в Европе считал книгу Жида “пошлой”, а в Москве – “вызывающе кривонокой”»¹⁰⁶. Следовательно, «друзья», которым адресован «отчет», оказались невосприимчивы к тексту. Исследователи часто обращают внимание на «слепоту», в которой писатель упрекает своих потенциальных читателей: «Фейхтвангер не раз говорит (и любит повторять это) о “слепоте” западных интеллектуалов, характеризуя их взгляд на советскую реальность, и тем самым предоставляет ключевое слово для собственного травелога»¹⁰⁷. Слово «слепота» важно поэтому не в связи со «взглядом на советскую реальность», а в связи с самим фейхтвангеровским текстом: слепота читателя – ключ к нему.

Карл Крэнке в своей монографии справедливо замечает: «Если Фейхтвангер исторически зашифровывает просоветскую весть <...>, то это не что иное, как использование писателем своего привычного художественного метода»¹⁰⁸. Несомненно, такой искусный «шифровальщик», как Фейхтвангер, мастер исторического романа, будет пользоваться рутинным методом, выстраивая текст на постоянном разногласье (в котором голос Андре Жида, введенного в качестве основного оппонента автора, – лишь один из многих голосов), вплетая в него совершенно различные взгляды и перспективы и, наконец, рассчитывая на филологическое прочтение. Вопрос в другом: что шифрует писатель, какова эта весть?

Лион Фейхтвангер оставил два свода впечатлений от Советского Союза – в отчетах Доры Каравкиной, где он удивительным образом напоминает Андре Жида, заставляя организаторов своего путешествия страдать от нехороших предчувствий; и в собственном «отчете для друзей», написанном в кардинально ином ключе, но – замечательное совпадение – также переведенном Дорой Каравкиной и словно сохранившем ее интонации, ее возражения недовольному «эстету» Фейхтвангеру, запечатленные в ее собственных отчетах. Так или иначе, голос писателя, прославившегося своими историческими романами, в «отчете для друзей» не слышен. «Москва 1937» непостижимым образом написана в совершенно нетипичном для Фейхтвангера стиле, который немецким читателем воспринимается как «антиинтеллектуальный» или «язык детской книги», и для которого в истории советской культуры даже есть свое обозначение – «правдинский» (стиль советской газеты «Правда»), поэтому перевод Каравкиной звучит для русского читателя иначе, чем оригинал – для

¹⁰⁶ Lion Feuchtwanger an Arnold Zweig. Sanary, 15.4.1937. (Feuchtwanger–Zweig: 155).

¹⁰⁷ Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten*. S. 152.

¹⁰⁸ Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion*. S. 236.

а.в. добряшкина

читателя немецкого. Если бы Фейхтвангер владел русским языком и мог зачитываться советскими газетами, стилевой колорит «Москвы 1937» объяснялся бы просто. Но Фейхтвангер не знал русского языка, вряд ли ориентировался на стиль «Правды» при написании своей книги¹⁰⁹ и, конечно же, не мог в полной мере прочувствовать политическое звучание своего сочинения в переводе Каравкиной. Если немецкая книга, не обнаруживая «почерка» Фейхтвангера, все же может быть воспринята буквально – как «просоветская весть» и самое неудавшееся сочинение писателя, то перевод Каравкиной при внимательном прочтении воспринимается как написанный на высоком профессиональном уровне памфлет (именно в памфлетизме Фейхтвангер обвиняет А. Жида). Это объясняет интереснейший факт: книга, которую так долго ждали в Москве, которую так быстро перевели на русский язык и выпустили огромным тиражом, почти сразу исчезла из советской реальности. Причина такой странной книжной судьбы европейского травелога в СССР – невиданной популярности, стремительно сменившейся забвением, – безусловно, не в плохо сработавшей советской цензуре, поспешно «пропустившей» книгу в печать из-за сжатых издательских сроков. Советскому Союзу нужен был срочный ответ Андре Жиду, поэтому факт публикации «Москвы 1937» был важнее ее исполнения. По той же причине «Москва 1937» не была включена в Собрание сочинений Фейхтвангера ни в СССР, ни в ГДР: цензоры видели ее двусмысленность, которую не смогли разглядеть ни Томас Манн, ни А.Цвейг, ни все остальные «друзья» и «крупные немцы».

Кампания «Анти-Жид», инициированная Кольцовым, с самого начала была литературно-политической авантюрой, участие в которой, по мнению историков, было роковой ошибкой Фейхтвангера. Однако если сместить акцент с политики на литературу, то шаги Фейхтвангера обретают несколько иной смысл. Не только Советскому Союзу был необходим ответ А. Жиду, но и сам Фейхтвангер хотел ответить французскому писателю, поэтому создание «Отчета о поездке» было его личным решением. В этом пункте интересы Кольцова и Фейхтвангера просто удачно совпали. Однако свое решение Фейхтвангер принимает не как путешественник, «лжец, взяточник или тактик», а как писатель: он переносит разразившийся политический скандал в область литературы, включает в него, незаметно перенося центр тяжести в сторону литературности и медийности. При этом медийный подход к воссозданию советской реальности должен был стать более значимым, чем ее простое миметическое изображение, которое было так важно для А. Жида. Вряд ли этот нюанс интересовал советские структуры, но Фейхтвангер, писавший свои исторические романы по похожему принципу преобладания «атмосферности» над «историчностью», перенес свои

¹⁰⁹ Можно предположить, что со стилем советских газет доктор Фейхтвангер познакомился за время своего долгого «симпатизирования» Советскому Союзу, читая соответствующую переводную литературу и внимая доводам своих подготовленных в ВОКС немецкоязычных собеседников.

«эстеты в советском союзе»: а. жид, л. фейхтвангер, м. кольцов

действия в рамках «литературы как скандала»¹¹⁰. Обещание, данное им в интервью с корреспондентом «Правды» и положенное Анне Хартман в название ее исследования – мелодичные «Ich kam, ich sah, ich werde schreiben» – своего рода не очень сложный филологический ребус. Фейхтвангер перефразирует латинскую сентенцию «veni, vidi, vici» и произносит ее по-немецки, делая акцент на будущем времени. Переведенная на русский язык, фраза «Я приехал, я увидел, я буду писать!»¹¹¹ была мелодически приближена к немецкому варианту, но лишена оригинальной смысловой коннотации и победоносного стаккато. «Правду» устраивали и слова Фейхтвангера, и их перевод: во-первых, такое звучание было более эпическим и менее вызывающим, поскольку отсылка к латинской сентенции теряла свою окраску; во-вторых, «я буду писать» вызывало совершенно определенные читательские ожидания – ожидание хвалебного гимна Советскому Союзу, который только что пообещал создать именитый гость, побывавший в СССР и увидевший своими глазами чудо строящегося социализма. Однако сам Фейхтвангер, завершив свое со всех точек зрения сложное, опасное для своей репутации путешествие и покидая «такую неуютную жизнь» в Советском Союзе, делал отсылку именно к изречению древнего полководца и подразумевал, насколько это позволяла выразить немецкая грамматика, «пришел, увидел, напишу (написал)», где третье действие – «напишу» (то есть простой факт написания) – равнозначно латинскому «победил». У Фейхтвангера не было цели доказать мировой общественности успешность великого социалистического эксперимента. Своей задачей Фейхтвангер считал лишь участие в скандале вокруг имиджа Советского Союза, создание в этом скандале некоего медийного противовеса Андре Жиду, релятивизацию его позиции, достижение пусть и чисто литературного, книжного, но равновесия. Мировая известность, популярность и успешность Фейхтвангера делали его кандидатуру для этого оптимальной.

Однако если для участия в литературном скандале был важен просто факт публикации книги, то для писателя Фейхтвангера был важен еще и творческий процесс. Отсюда – двуплановость «Москвы 1937». «Зашифрованный» уровень прочтения, который так легко «расшифровывался» переводом на русский язык, позволял догадываться о реальных впечатлениях автора от поездки в СССР, сближая его с его антагонистом Андре Жидом. Эксплицитный уровень прочтения, которым довольствовались западные читатели, был, как, видимо, заключил Фейхтвангер, наиболее действенным и понятным ответом французскому писателю.

«Москва 1937» – это, прежде всего, медийная реакция Фейхтвангера на главный политический постулат «Возвращения из СССР», особо выделенный

¹¹⁰ *Literatur als Skandal: Fälle – Funktionen – Folgen*, Hrsg. von S. Neuhaus, J. Holzner. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 735 S.

¹¹¹ Отъезд Лиона Фейхтвангера // Правда. 1937. 6 февраля. № 36. С. 3.

а.в. добряшкина

в донесении Сталину уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальником Главлита РСФСР С. Ингуловым: «А под СССР я подразумеваю тех, кто им управляет»¹¹². Благодаря участию Фейхтвангера, литературно-политический скандал оказался в итоге менее однозначным, хотя и еще более бурным: так или иначе, в историю предвоенных советско-европейских контактов и авторы, и книги вошли парами – проигнорированный Сталиным французский писатель вместе с принятым Сталиным немецким писателем, а критическое «Возвращение из СССР» вместе с «апологетической» «Москвой 1937».

Фейхтвангер искренне считал Советский Союз единственной оппозицией Третьему рейху. Было бы ошибочно поэтому рассматривать его как случайно пострадавшего западного интеллектуала. В поступках Фейхтвангера не было ни случайностей, ни чрезмерного страдания, ни сожаления: он не позволил ВОКС и Кольцову навязать себе те или иные пункты сценария «Анти-Жид»; он внес многие изменения в текст по требованию Кольцова, но не дал изменить смысл книги, добавив второй пласт прочтения; он с одинаковой симпатией относился к СССР и в период своей славы, и когда стал *persona non grata*; он открыто критиковал советскую внутреннюю политику и «неуютную жизнь» в личных разговорах, но так же открыто симпатизировал СССР, считая его единственным антагонистом нацизма. «Москва 1937», таким образом, – это не свидетельство политической наивности писателя или его коррумпированности, а его желание сказать «да, да, да!» (Москва 1937: 118) Советскому Союзу в преддверии Второй мировой войны и попытка в самые сложные моменты «мыслить исторически»¹¹³, или, как перевела этот фейхтвангеровский модус Дора Каравкина, все «рассматривать в историческом разрезе» (Москва 1937: 114).

Литература

Альтман И.А. Фейхтвангер в Москве (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 55–63.

Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия», 2005. – 750 с.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 1999. – 872 с.

Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 242–291; № 3. С. 274–342.

«Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. – 318 с.

¹¹² С.Б. Ингулов – Сталину. 21.11.1936. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 228. Л. 20.

¹¹³ Feuchtwanger L. *Moskau 1937*. S. 148.

«ЭСТЕТЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ»: А. ЖИД, Л. ФЕЙХТВАНГЕР, М. КОЛЬЦОВ

Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. – 351 с.

Фейхтвангер Л. Письма в МОРП и в редакцию «Das Wort» (1934–1936) / Публ. В.П. Нечаева // Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 181–220.

References

Alt'man I.A. Feuchtwanger v Moskve (iz otchetov sotrudnitsy VOKS) [Feuchtwanger in Moscow (from the reports of a VOKS employee)]. *Sovetskie arkhivy*, 1989, no 4, pp. 55–61. (In Russ.)

Bol'shaia tsenzura: pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov, 1917–1956 [Big Censure: Writers and Journalists in the Soviet Country], ed. L.V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia" Publ., 2005. – 750 p. (In Russ.)

Feuchtwanger L. Pis'ma v MORP i v redaktsiiu *Das Wort* (1934–1936) [Letters to IURW and the editors of *Das Wort*], ed. V.P. Nechaev. In *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob"edineniia revoliutsionnykh pisatelei (MORP) [From the History of the International Union of Revolutionary Writers (IURW)]. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 181–220. (In Russ.)

Fradkin V. *Delo Kol'tsova* [Koltsov Case]. Moscow: Vagrius Publ., 2002. – 351 p. (In Russ.)

Hartmann A. "Ich kam, ich sah, ich werde schreiben". *Lion Feuchtwanger in Moskau. Eine Dokumentation*. Göttingen: Wallstein, 2017. – 456 S.

Kröhnke K. *Lion Feuchtwanger – der Ästhet in der Sowjetunion. Ein Buch nicht nur für seine Freunde*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. – 321 S.

Maksimenkov L.V. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoi literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feuchtwanger i drugie) [Essay on a Nomenclature History of Soviet Literature. Western Pilgrims at the Stalin's Throne (Feuchtwanger and others)]. *Voprosy literatury*, 2004, no 2-3, pp. 242–291, 274–342. (In Russ.)

Marcuse L. *Mein zwanzigstes Jahrhundert. Auf dem Weg zu einer Autobiographie*. Zürich: Diogenes, 1988. – 399 S.

Rohrwasser M. *Der Stalinismus und die Renegaten: die Literatur der Exkommunisten*. Stuttgart: Metzler Studienausgabe, 1991. – 412 S.

"Schast'e literature". *Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg. Dokumenty* ["Happiness of Literature". *The State and the Writers, 1925–1938. Documents*], ed. L. Babichenko. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997. – 318 p. (In Russ.)

Sinkó E. *Roman eines Romans. Moskauer Tagebuch 1935–1937*. Berlin: Das Arsenal, 1990. – 488 S.

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 gg. [Power and Intellectuals. Documents of the Central Committee of RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD on Cultural Politics, 1917–1953], eds A. Artizov, O. Naumov. Moscow: MFD Publ., 1999. – 872 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 19.06.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 19.06.2021
Published: 20.11.2021